

он возникает еще до того, как человек высказывает суждение о мире.

Не находя возможности справиться с тягостными чувствами, такими, как абсурд – обращаясь к истинам искусства, срабатывает простой психологический механизм, который в концепции психоанализа именуется «проекция», когда субъективное содержание чувства, к примеру «абсурда», проецируется на внешний по отношению к субъекту объект, которым может быть общество, природа, человек или мир в целом. Ну, а какие действия последуют по отношению к источнику «тягостных» чувств, понять несложно; думается, в любом проявлении агрессии в нашем мире сквозит то самое отчуждение, которому подвергала человека история.

В заключение мы можем сказать следующее: конечно, утверждение, что именно посредством обращения к искусству человек способен противостоять «демонам» нашего времени, кажется только отчасти истинным. Наша задача состояла в указании на наличие возможности рассматривать современное состояние, а также перспективы раз-

вития общества, через рассмотрение искусства. При этом, учитывая современное состояние искусства, нам думается, что перспективы исследования данной проблематики могут быть перенесены в так называемое пространство «контркультуры», где особое внимание должно быть уделено тем формам творчества, которые пока что в силу своей новизны и авангардности не заняли «отведенного» им места.

Примечания

- ¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2002. С. 26.
- ² Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003. С. 92.
- ³ Дюфрен М. Вклад эстетики в философию // Антология. Феномен человека. М., 1993. С. 347.
- ⁴ Там же. С. 346–348.
- ⁵ Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб., 1994. С. 33.
- ⁶ Шугуров М.В. Человек: бытие и отчуждение. Саратов, 1999. С. 273.
- ⁷ Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. М., 1999. С. 28.

УДК 316.3

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

А.И. Парфёнов

Саратовский государственный университет,
кафедра философии культуры и культурологии
E-mail: anteater1@yandex.ru

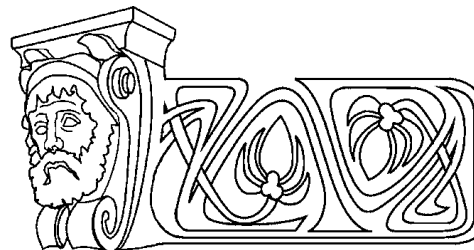
Всякий идеологический универсализм выступает формой насилия по отношению к личности, причём не только в контексте тоталитаризма. Демократия, хоть её и принято противопоставлять тоталитаризму, также использует средства идеологического насилия, только в несколько иных формах. В результате корректировки мышления, производимой под воздействием всепроникающей идеологии, изменяются не только политические предпочтения индивида, не только его социальные характеристики, изменяется он сам на психосоматическом, антропологическом, даже на физиологическом уровнях. Вместе с тем, наблюдается кризис идеологии как системы значимостей. Идеология иррационализируется, но не в силу перманентного присутствия мифа как структурного элемента, а в связи с собственной избыточностью.

Ключевые слова: идеология, насилие, политика, социальный порядок, миф.

Ideological Violence and Formation of the Global Social Order

A.I. Parfenov

Everyone ideological acts as the form of violence over the person, and not only in a context of totalitarianism. Democracy though also

it is accepted to oppose with it to totalitarianism as uses means of ideological violence, only in a little bit other forms. As a result of the updating of thinking made under influence of ideology, change not only political, not only its social characteristics, it changes on anthropological, even, on physiological levels. At the same time, crisis of ideology as system is observed. Ideology is mystification, but not by virtue of permanent presence of a myth as structural element, but in connection with own redundancy.

Key words: ideology, violence, politics, social order, myth.

Всякий идеологический универсализм выступает формой насилия по отношению к личности, причём не только в контексте тоталитаризма. Демократия, хоть её и принято противопоставлять тоталитаризму, также использует средства идеологического насилия, только в несколько иных формах. Но в обоих случаях важнейшим средством производства идеологии оказываются средства универсалистского дискурса. Предметом идеологического культа в наши дни становятся не нация, не социальный класс, не вождь, не государство, как в известных тоталитарных режимах, но безличное человечество, ещё более абстрактные «права человека», «толерантность» и прочие спекулятивные понятия. При этом прежние «тоталитарные» понятия становятся атрибутами «дурного тона», их употребление становится опасным: если

вы скажете «раса», то вас заподозрят в «расизме», если «нация» – в «национализме», если «мужчина» – в «сексизме» и т.д.

Сегодня слово «русский» считается «неполиткорректным», в современном отечественном политическом дискурсе принято говорить «россиянин». Россиянин – существо без национальной принадлежности, определяемое лишь территориально, т.е. россиянин – это человек, постоянно проживающий на территории Российской Федерации. А почему, собственно, человек? Разве, используя способ территориальной идентификации, мы не должны считать россиянами животных, проживающих на данной территории? Ведь с политической точки зрения животные отличаются от людей прежде всего тем, что не ходят на выборы. В остальном они такие же «россияне». Слово «россиянин» не обладает достаточной семантической полнотой для того, чтобы охарактеризовать им именно человека, в то время как указание национальной принадлежности императивно предполагает, что имеется в виду именно человек, а не бобр или выхухоль.

С позиции современных либералов слово «русский» коннотативно подразумевает националистическую, шовинистскую позицию того, кто его произносит. Получается, что быть русским «неполиткорректно», точно так же как быть белым в Америке. Право дискурсивно определять себя в качестве представителей «нации» сегодня дозволено только «национальным меньшинствам», которых власти на дискурсивном уровне оберегают от дискриминации со стороны большинства, при этом ничего не делая, чтобы помочь им решить жизненные проблемы на уровне социальной реальности. Как всегда, проповедует мораль «двойного стандарта». В США слово «негр» дозволено употреблять только чернокожим, белого за употребление этого слова посадят в тюрьму, но это не изменяет реального положения вещей – негры в своём большинстве находятся внизу социальной лестницы. Нарушение правил высказываний на национальные темы преследуется в большей мере, нежели реальная дискриминация. Такое положение вещей можно назвать «идеологическим изнасилованием реальности».

Первым объектом такого рода насилия становится язык, неизбежно вместе с ним мышление человека, и как следствие сам человек, взятый не только в качестве политического субъекта, но во всей полноте своих антропогенных характеристик. В результате тотальной корректировки ментальности, производимой под воздействием всепроникающей идеологии, изменяются не только политические предпочтения индивида, не только его социальное мышление. Изменяется он сам на психосоматическом, антропологическом, даже на физиологическом уровнях. Подобно тому, как речь выхолщивается до уровня «птичьего» языка, сотканного из политкорректных клише, а мышление программируется сообразно идео-

логическим алгоритмам, человек превращается в невыразительную биомассу, сводится к своей социальной функции или просто занимает место в пространстве.

Г. Маркузе называл таких людей «одномерными»¹, Э. Фромм – «кибернетическими», о таких людях блестяще сказал О. Шпенглер: по его словам, это «люди, лишённые естественных влечений, погрязшие в логике, живущие в мире истин, идеалов и утопий, книжные черви, пытающиеся подменить реальность логикой, силу фактов – абстрактной справедливостью, судьбу – разумом. В любой культуре этот процесс начинается с людей, объятых вечным страхом, которые спасаются от реальности в монастырях, кабинетах и духовных сообществах, объявляют мировую историю безразличной, а заканчивается в любой культуре апостолами всеобщего мира. Каждый народ порождает такие отбросы ...»²

Эти жертвы «репрессивной толерантности» (термин Г. Маркузе), вернее их идеологические гуру, навязывая тотальную идеологию, выступают под лозунгами «демифологизации». Обращает на себя внимание их желание разоблачать российские мифы, особенно те, в которых усматриваются «симптомы национализма», и упорное нежелание анализировать мифы, порождённые западной пропагандой, «удельный вес» которых в современном политическом сознании значительно больше. Объясняется данная тенденция очень просто: большая часть «просветительских» исследований и публикаций на данную тематику финансируется западными фондами (Фонд Сороса, Фонд Карнеги и др.), которые известны своей политической ориентацией. Бедственное положение вынуждало в последние годы российских учёных сотрудничать с этими организациями, это сотрудничество продуктивно, однако нередко ангажировано. Исследователь, зачастую без злого умысла, предлагает априорную интерпретацию событий, оказавшись в дискурсивном поле, в котором заранее определены ценностные приоритеты (западные ценности), стереотипы (западные идеологические клише), политические ориентиры (западный либерализм) и т.д. Пытаясь соответствовать заданной программе, исследователь вынужден высказываться определённым образом, для него проблематично подойти к вопросу феноменологически, отбросив все теоретические и идеологические установки.

Понятие «демифологизации» профанируется, оно становится синонимом здравого смысла, научности. Но не надо забывать о том, что победить миф рациональными средствами невозможно. Его, выражаясь словами Р. Барта, «можно только обмануть», выходя за пределы заранее структурированного поля высказываний, т.е. выходя за пределы того языка, над которым миф (метаязык) установил своё господство³. Западное видение мироустройства мифологизировано в самых глубинных мировоззренческих основаниях, поэтому разоблачить «идеологические мифы», принимая правила «западного» языка, в

принципе невозможно. Уже упомянутая много раз «политкорректность», эта религия двойного стандарта и лицемерия, фактически не позволяет многим западным учёным даже помыслить нечто, выходящее за рамки стереотипов западного политического языка.

К примеру, дискуссия о Балканах по-прежнему строится в терминах, предполагающих западное (антисербское) толкование проблемы. Как и несколько лет назад, «правозащитники» настойчиво требуют суда преимущественно над сербскими «военными преступниками». Необходимо отметить, что роль так называемых «правозащитников» чрезвычайно важна в современной политической игре. Образ юродивого, взывающего к человеколюбию, закрепившийся за тем или иным «правозащитником», вводит обывателя в заблуждение. На самом деле эти певцы пацифизма, космополитизма и «общечеловеческих» ценностей, не имеющие ничего общего с подлинным правозащитным движением, цинично выполняют определённый политический заказ, если не из материального интереса, то в силу стремления преодолеть комплекс собственной неполноценности либо, что опаснее всего, в силу патологического фанатизма.

Сказочный образ Балкан, равно как и сказочный образ России, несомненно, востребован на Западе, особенно в США, геополитическое положение которых позволяет обывателям интересоваться геогграфической картой только в связи с поиском новых туристических маршрутов. В коллективных представлениях жителей США восточноевропейский регион ассоциируется с территорией, лежащей за пределами «цивилизованного мира», на которой вопреки воле этого самого «цивилизованного мира» нарушаются «права человека». Толкование данного понятия возможно только на западный манер, любые альтернативные интерпретации расцениваются как своего рода ересь. Игры с понятиями-символами подобного рода, за которыми не скрывается ничего кроме пропагандистских целей, привели к формированию на Западе метаидеологии, по масштабу не имеющей прецедентов в истории.

Яркий пример: интерпретация военных операций НАТО как «гуманистических» акций есть следствие как вопиющей пропагандистской кампании, так и ментальных перверсий, характерных для западного общественного сознания. Речь идёт об абсурдной трансформации самого понятия «гуманизм». То, что сегодня именуют гуманизмом, есть эклектическое соединение воинствующего пуританства и утилитаризма с его принципом «наибольшего счастья для наибольшего количества людей». При этом «любовь к человечеству» сводится к «защите прав человека», так как их понимают на Западе, т.е. права находиться в силовом поле западной правовой системы. В аспекте подобного гуманизма человек определяется прежде всего как субъект права, «права человека» оказываются выше самого человека:

машина государственного принуждения готова навязывать человеку его «права» даже вопреки его воле. «Свободный мир», фетишизированный на Западе, оказывается в значительной степени «механистическим», в котором детерминированы потребности, способы социального действия и способы мышления.

Навязчивое желание индивида, порожденного западной демократией, видеть даже в представителях иной культуры своё собственное подобие составляет глубинное основание того одобрения, которое выказывает большинство западных граждан по отношению к действиям НАТО. В большинстве своём американцы наивно верят в благородную миссию своей страны, для них абсурдно всякое сомнение, которое высказывается на этот счёт. По их мнению, Америка несёт людям новую надежду и демократию, но вместо того, чтобы встречать американскую армию приветственными криками, неблагодарные люди недовольны, они подозревают, что за этим подарком стоит что-то еще. Американец реагирует на это как ребенок, обиженный неблагодарностью тех, кому «бескорыстно помогала» его страна⁴. При этом одержимому мифом о «мессианстве США» в принципе безразлично, где осуществляется военная акция – в Югославии, в Ираке или где-то в «виртуальном» пространстве компьютерной игры. Важен постоянно повторяющийся сюжет: вечная «война добра со злом», в которой «добро» обязательно победит.

Один из излюбленных риторических приёмов западной пропаганды – провозглашение «гуманитарной катастрофы» в той или иной точке мира, из чего следует необходимость вмешательства «цивилизованного мира» и решения проблемы, в том числе и военным путём. То обстоятельство, что военная операция может привести, и с необходимостью приводит к «гуманитарной катастрофе» значительно большего масштаба, игнорируется. Подтверждается точность той формулировки закона, определяющего степень эффективности влияния пропаганды на массовое сознание, которая приписывается доктору Геббельсу: «Ложь должна быть чудовищной, чтобы в неё поверили». Технология внедрения в массовое сознание политического мифа – особое искусство: кроме продуманных риторических приёмов, политик, манипулирующий мифом, должен придерживаться определенных правил поведения. Образ «гуманиста» предполагает «голливудскую» улыбку, спокойный и размеренный тон речи, аккуратность формулировок и постоянные ссылки на «международное право». Стереотипное поведение большинства западных политиков бросается в глаза, их индивидуальность дипломатично замаскирована. Они редко говорят от своего имени, опасаясь обвинений в волюнтаризме и отсутствии «политической корректности»; напротив, они всегда говорят от имени многих, зачастую даже не собственного народа, а всего человечества. Как не вспомнить в связи с этим

слова Сартра: «Культ человечества приводит ... к фашизму. Такой гуманизм нам не нужен»⁵.

Сегодня в качестве альтернативы неозападничеству отечественные политтехнологи пытаются противопоставить «пророссийскую» идеологию, такая информационная политика прослеживается на государственных телеканалах. Но о какой информационной конкуренции с Западом может идти речь, когда отечественные политики и СМИ приняли в качестве обязательных законы универсалистской (западной) политической риторики. Те политики, которые используют свой альтернативный по отношению к стандартам дискурса язык (акратический⁶, по Р. Барту), находятся на маргиналиях политического пространства. Да и возможности трансляции идеологических доктрин в массовое сознание различны: российский информационное пространство открыто для идеологических «инъекций» с Запада, а обратной связи нет – «голос» России на Западе не слышен.

В результате потребителями отечественных идеологических ноу-хау становятся исключительно наши сограждане, сознание которых раздираемо взаимоисключающими концепциями: от космополитизма до национал-патриотизма, от либерализма до традиционализма и т.д. Что приводит к недоверию каждой из них. Это и есть пресловутый плюрализм, который в своё время пропагандировался как западная ценность, но сегодня на Западе его нет и в помине – жвачка политкорректности ассимилировала все идеологические концепты, привела их единому знаменателю. В этом смысле современная западная идеология тоталитарна. В России попытки создать унитарную идеологию национальных интересов пока не убедительны.

Вообще, идеология демократии обнаруживает много общего с идеологиями диктаторских режимов, а также с идеологиями экстремистских движений. Ю. Хабермас отмечал, что их суще-

ственное отличие состоит в том, что радикально-демократические режимы морализируют идеологию, в то время как право-радикальные (фашистские) движения и лево-радикальные (анархические) движения эстетизируют её. (Отметим, что Р. Барт признавал богатое эстетическое содержание лишь за правой идеологией⁷). «Несмотря на различия в содержании, эти мировоззрения разделяют с идеологиями первого поколения – «отпрысками» рационального естественного права, утилитаризма, буржуазной социальной философии и философии истории – еще и форму целостных представлений о мировом порядке, которые характерны для политического сознания соратников по борьбе. Тем не менее именно эта форма способного к интеграции и глобального общего толкования, спроецированного под углом зрения жизненного мира, должна распадаться в коммуникационной структуре развитого современного общества. Когда угасает отсвет ауры сакрального, исчезает синтезирующая образ мира власть воображения, то форма понимания, основанная на силе аргументов, становится столь прозрачной, что повседневная практика коммуникации не оставляет больше никакой ниши для господства идеологических структур»⁸.

Но пока мы наблюдаем обратный процесс. Формируется глобальная метаидеология, уже захватившая западную цивилизацию. Она рациональна, лишена сакрального измерения, но не менее эффективна как средство контроля над сознанием, чем прежние тоталитарные идеологии. Она действительно бедна эстетически по сравнению с религией, но беспрецедентна по возможностям трансляции и формам идеологического насилия. Она проникает во все сферы жизненного пространства человека, на всех уровнях.

Для наглядности представим структуру современной глобальной идеологии в форме таблицы.

Характеристики	Уровни		
	Глобальный	Социокультурный	Индивидуальный
Субъект идеологического воздействия	Транснациональные корпорации	Национальные правительства, административная система	Семья, учебные заведения
Объект идеологического воздействия	«Человечество»	Национальные, религиозные, социальные общности	Индивид
Основные элементы	Метаидеология глобализма	Идеологические, религиозные стереотипы, мораль	Потребительские интересы, нормы поведения
Форма трансляции	Дискурс глобальной власти	Массмедийные сообщения, реклама	Повседневное общение, обучение
Средства идеологического насилия	Политкорректность	Цензура, пропаганда, корпоративные стандарты	Воспитание, стандарты мышления

Тотальность метаидеологии для её характеристики позволяет использовать понятие, вышедшее не так давно из моды: она носит ярко выраженный «империалистический» характер. Э. Хобсбаум, давший понятию «империализм» новую жизнь (уже не в рамках марксистско-ленинской парадигмы), писал: «... мир конца XX столетия окрашен в цвета буржуазного века, и в частности – эпохи империи ... сегодняшний мир сформирован тем, что можно назвать историческим ландшафтом, оставшимся после эпохи империи и её заката»⁹.

Характеристики, данные империализму, пожалуй, крупнейшим его исследователем Дж. Гобсоном более полувека назад, до сих пор актуальны. Исходя из биологической парадигмы социальной философии, Гобсон усматривал истоки империалистических устремлений в «борьбе за существование», характерной для человека в той же мере, как и для других животных. Проявляется она и на индивидуальном уровне в состязаниях разного рода, лучшее из которых «охота на людей», и в борьбе за контроль над территориями и ресурсами на уровне межгосударственном. Идеология, попытки научного оправдания экспансии – лишь маскировка истинных намерений, лежащих в экономической плоскости; мнимый «цивилизаторский» альтруизм – мимикрия экономических интересов, «извращение естественного национализма». Пропаганда стандартов западного социального порядка больше рассчитана на граждан «метрополии», большинство жителей «третьего мира» ещё не научились думать «по-западному» и вряд ли научатся – ментальные различия слишком существенны.

Выражаясь терминологией Гобсона, биологическая программа экспансии сродни биологической программе «паразитического организма». В то же время следует отметить, что действительное убожество, нищета и дикость стран «третьего мира» побуждает их население ожидать подачек с Запада в виде программ экономического сотрудничества, кредитов, гуманитарной помощи (разворываемой политическими элитами), либо покидать пределы исконного жизненного пространства, устремляясь опять же на Запад. Биологическая интерпретация идеологии как мимикрии социальных паразитов¹⁰, наделённых властным ресурсом, не противоречит классической марксистской и неомарксистским трактовкам идеологии как некоей духовной структуры, «надстраивающейся» над материальным экономическим интересом. Следует признать, что всякое исследование идеологии разными путями приводит нас именно к марксистскому видению проблемы,

очевидно, что более адекватной по отношению к социальной реальности системы интерпретации идеологии, её природы и функций никто так и не придумал.

В заключение хотелось бы вернуться к мысли об универсализации языка как основном средстве распространения глобальной метаидеологии. Этот процесс свидетельствует о беспрецедентном расширении бюрократического поля, захватывающего теперь не только социальное пространство национальных государств, но и глобальное пространство. Для бюрократии нет границ – она прорастает повсюду, отравляя всё живое потоками идеологического яда.

Вместе с тем расширение пространства коммуникации порождает новую проблему: возрастание и трансформация рациональности социальной организации приводит к её перерождению в собственную противоположность. Скорость наращивания актов коммуникации и форм взаимодействия социальных субъектов намного превышает возможность порождения смыслов. Результат – двойственность ситуации: с одной стороны, тотальная идеологизация, с другой – кризис идеологии как системы значимостей. Идеология иррационализируется, но не в силу перманентного присутствия мифа как структурного элемента, а в связи с собственной избыточностью. Идеология мутирует в PR, в «политическую рекламу», утрачивает всякую убедительность и отчуждается от собственных функций.

Примечания

- 1 Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2003.
- 2 Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. Т. 2. Всемирно исторические перспективы. Минск, 1999. С. 236.
- 3 Барт Р. Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 72–130.
- 4 Жижек С. Война в Ираке: В чем заключается подлинная опасность? // Логос, 2003. № 1.
- 5 Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 343.
- 6 Барт Р. Война языков // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- 7 Барт Р. Миф «справа» // Там же.
- 8 Habermas J. Theorie der Kommunikativen Handelns. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft 2. Bd. 3, durch Frankfurt-am-Main, 1985. Bd. 2. S. 551.
- 9 Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. М., 1997. С. 481.
- 10 Гобсон Дж. Империализм. Л., 1927. С. 286.